

Лувр в пустыне

Списки туристических достопримечательностей Центральной Азии обычно ограничиваются прославленными архитектурными памятниками Средневековья и раннего Нового времени. Но в этот ряд настойчиво просится великий музей с необычной историей, появившийся во второй половине XX века и расположенный в узбекском городе Нукусе.

— культура —

Персидские полчища и фаланги Александра Великого, войска Чингисхана и Тамерлана, арабского халифа аль-Валида и русского генерала фон Кауфмана — завоевателей Средняя Азия повидала очень и очень много. Впрочем, едва ли меньше было терпеливых миссионеров: православных, католических, несторианских, манихейских, буддистских. И уж всяко больше было караванов, проследовавших через эти земли по Великому шелковому пути.

Этим путем помимо шелка приходили некогда в Европу драгоценный фарфор, чай и «сарацинское пшено» — рис. Не будь этого пути, не достигли бы Средиземноморья дальневосточные новации, изменившие историю Запада: хоть бумага, хоть порох. Здесь встречались цивилизации, здесь копились не только богатства, но и знания многих народов. В процветающих центрах вроде Бухары или Хорезма работали универсальные ученые-энциклопедисты, труды которых средневековая Европа (сам этот край в общем-то представлявшая себе еще с трудом) прекрасно знала. Авиценна (ибн Сина), вплоть до эпохи Возрождения один из главных авторитетов для европейских медиков; аль-Хорезми, «отец алгебры», к имени которого восходит наше слово «алгоритм»; Бируни, достижения которого повлияли на историю не только астрономии как таковой, но и мореплавания — а значит, и великих географических открытий...

Пути мировой торговли с тех пор несколько изменились, маршруты любителей путешествий тоже в общем-то не совсем те, что при Марко Поло, и все же в 2010-е туристический поток в страны региона стал заметно расти. Согласно официальным данным, в 2018-м Узбекистан посетили 5,3 млн человек, Казахстан — 8,5 млн. Львиную долю, правда, этих посетителей составили гости из России и других стран СНГ, у которых (хотя бы отчасти) наверняка срабатывают еще советские воспоминания и культурные коды.

Но не то чтобы региону, кроме соседей по СНГ, в этом смысле было не к кому обратиться. Нет на свете человека, который бы не ахнул, впервые увидев великие мечети, медресе и усыпальницы Бухары или Самарканды — это фантастическая архитектура и такое же бесспорное достоинство человечества, как римская площадь Сан-Пьетро или Версаль. Однако этим городам все далеко не ограничивается — в нынешнем перечне объектов Всемирного наследия

ЮНЕСКО, расположенных в Центральной Азии, 15 природных и исторических достопримечательностей.

А еще практически в сердце Центральной Азии находится единственный в своем роде музей. Если хоть о каком-то из среднеазиатских музеев в мире действительно слышали, так это о нем — впрочем, что там «слышали», многие годы его исправно поддерживали доброхоты из самых дальних краев, прозвавшие этот музей по-восточному цветисто: «Лувр в пустыне» (заметьте, задолго до того, как Лувр парижский надумал открывать филиал в арабской пустыне). Если за пределами России где-то и хранится настоящему удивительное собрание русского искусства XX века вообще и русского авангарда прежде всего — так это там. Музей-легенда, музей-мечта, музей с удивительной историей и не менее удивительной репутацией, который при этом раскинулся не в столице, не в каком-нибудь райском оазисе, а в отдаленном узбекском городке Нукусе.

Ну то есть как «городке»? Более 300 тыс. населения, столица автономной Каракалпакии — собственно, и музей этот называется ныне по-столичному торжественно: Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого. Но при этом почти ничто в советской истории и этого города, и этой территории не обещало появления подобной жемчужины. Почти вся Каракалпакия состоит из пустынь, на Аральском море, которое тоже превращается в пустыню, после войны устроили полигон для испытаний биохимического оружия, даже доступ на территорию автономной республики был одно время ограничен.

Но, с другой стороны, именно у зеленых и плодородных когда-то берегов Аральского моря находился древний Хорезм с его владениями. И еще с конца 1930-х начала свою работу на этой территории масштабная археологическая экспедиция под патронажем Академии наук СССР, действовавшая там до самого конца советской власти.

В 1950 году к экспедиции присоединился 35-летний художник Иван Савицкий. Со Средней Азии он был к тому времени знаком не понаслышке — еще во время войны он оказался в эвакуации в Самарканде. Знал он представителей опального авангарда: в том же Самарканде он приятельствовал с Робертом Фальком и Николаем Ульяновым (и брал у них уроки). Видимо, это сочетание художественных знакомств и впечатлений от тамош-

ней природы — пески, солнце, ослепительная небесная синь — оказалось для судьбы Савицкого решающим: после нескольких сезонов в экспедиции он бросил московскую жизнь и переселился в Каракалпакию окончательно.

А также начал собирать коллекцию — сначала для себя, как будто бы в чисто этнографическом духе. Потом это собирательство постепенно начало приобретать более официальные формы: Савицкий занимался исследованием декоративно-прикладного искусства сначала в местном НИИ экономики и культуры, потом в новосозданном филиале Академии наук Узбекской ССР, потом в Нукусском историко-краеведческом музее. Со временем произведениями исконных каракалпакских промыслов — одежда, утварь, украшения — ему удалось настолько увлечь нужных представителей научной и государственной элиты (не только на республиканском, но и на союзном уровне), что они уступают его настояниям. Савицкий доказывал: существующий музей мал, надо создавать новый, причем более широкого профиля — и в 1966 году наконец в Нукусе в самом деле появился новый художественный музей. Надо ли говорить, что Савицкий же стал и его первым директором и пробыл на этом посту до самой своей смерти в 1983-м.

И тут стало понятно: это не будет еще один чинный художествен-

ный музей из тех, что были рассеяны по крупным городам страны советов. Они, похожие друг на друга, как счастливые семьи, строились по одной и той же схеме. Немного старых мастеров, переданных, как правило, от щедрот какого-нибудь центрального музея. Немного достопрочтенного отечественного реализма XIX века. Лестные советские академики, плюс местные художники, призванные свидетельствовать об успехах социалистического строительства.

Савицкий повел дело иначе — и при этом даже не лукавил. Ведь что может быть естественнее, чем собирать произведения русских художников, так или иначе хоть когда-нибудь да вдохновлявшихся пейзажами, видами, самим воздухом Средней Азии? Только собирал он, например, того же Фалька, или Павла Кузнецова, или даже Максимилиана Волошина. Со временем в Нукусе образовалась внушительнейшая коллекция опальных авторов первой трети XX века, которых остальные музеи, случись такие художники в их собрании, в лучшем случае прятали от греха подальше: Любовь Попова, Алиса Порет, Александр Яковлев... Да, в силу разных перипетий значимые вещи художников русского авангарда можно найти и в Салониках, и в Амстердаме, но нукусская коллекция, во-первых, феноменально объемна, а во-вторых, потрясает само сочетание перворазрядных работ, сделавших

бы честь Москве или Петербургу, и экзотического контекста.

К тому же Савицкий сделал и еще более интересную вещь: вычленил и целенаправленно собрал искусство среднеазиатских художников первой половины прошлого века, вдохновленное творческим опытом русских коллег. Самобытные, яркие, исключительной силы произведения, которые получили без всякой снисходительности прозвание «туркестанского авангарда» и которые могли бы попросту стигнуть, не окажись они в музейной коллекции.

Он собирал с азартом подвижника, обездив весь СССР и виртуозно убеждая власти год за годом продолжать финансирование этих закупок. Финансирования все равно не хватало, и часто он приобретал работы под честное слово, вернее, под расписки, которые музей потом с грехом пополам погашал вплоть до начала 1990-х. Это был труд, который не вписывается в советские каноны музейного строительства, как не вписывается и в современные публицистические представления о музейном деле XIX–XX веков как о безоглядном торжестве колониального сознания. Но Савицкий так умел убеждать, очаровывать, доказывать, не поступаясь при этом никакими принципами, что происходили подчас чудеса — и всеисильная Екатерина Фурцева именно музеем в Нукусе отписывала часть коллекции Фернана Ле-

же, переданной Советскому Союзу его вдовой Надей Леже.

Музей знаменит, музей получил еще 20 лет назад новое здание — правда, и оно только часть тех построек, которые для него были запланированы некогда при Горбачеве. И все же его положение выглядит несколько зыбким. С одной стороны, говорят о фатально недостаточном финансировании, о слабости нынешней научной работы: тысячи и тысячи работ все еще не каталогизированы и не описаны. С другой — на официальном уровне подвижки есть. В 2017-м музеем с беспрецедентной помпой продемонстрировал себя на выставке «Сокровища Нукуса» в московском ГМИИ, проходившей фактически под эгидой президентов двух стран. Затем провел по всем правилам открытый международный конкурс на должность директора, которую в итоге занял замдиректора московского Музея Востока Тигран Мкртычев. После сложных многолетних согласований на весну 2021 года наметили в свое время международную выставку «Шелковый путь» в парижском Лувре, в которой должен был участвовать в том числе и нукусский музей. По понятным причинам она отложена, но стоит надеяться, что в ближайшее время «Лувр в пустыне» все-таки окажется в гостях у Лувра на Сене: внимания, особенно внимания международно-го, Музей искусств Каракалпакстана честно заслужил с избытком.

Василий Лепских

Обратно к тысячелетней истине

— экономика —

Самое главное, что случилось с экономикой региона Центральной Азии за последние три десятилетия, — она продемонстрировала то, что она существует именно как целое: ценность внутренних связей и внешнеторговой ориентации, вопреки ожиданиям, преодолела все факторы, которые могли бы разрушить макрорегион. Коронавирусный кризис 2020 года тем временем стал последней проверкой на единство: посткризисные тренды к изоляции акцентируют и для каждой страны этой общности, и для всех вместе необходимость в долгосрочном позиционировании, которое обеспечит Центральной Азии восстановление экономического роста в привычных темпах последнего десятилетия.

Если говорить об основном экономическом тренде постсоветской Центральной Азии как макрорегиона, образующегося Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменией, то главным вопросом, на который еще в ранние 1990-е не было уверенного ответа, был: а есть ли вообще такой макрорегион? Исторически — никаких сомнений: Центральная Азия как культурное и экономическое единство существует, видимо, дольше, чем большая (за исключением, может быть, Китая) часть азиатских культурных регионов, и срок существования Центральной Азии измеряется тысяче-

летиями. Но в конце XX века вполне было в чем сомневаться: постсоветская Центральная Азия переживала индустриализацию и создание современных обществ в совсем другой общности — Советском Союзе, и к 1990-м все пять стран и десяток этнических общностей, составляющих их, развивались, в том числе экономически, очень поразному и часто — в разном направлении. Наиболее предсказуемым и понятным было развитие самой мно-

гонаселенной центральноазиатской страны — Узбекистана — даже эволюция Казахстана, специализация которого на горнодобывающей и нефтяной промышленности сложилась еще в СССР, не была предсказана аналитиками. То же самое можно сказать и о Таджикистане и Туркменистане, а в гораздо большей степени — о Кыргызстане: киргизская экономика оценивалась в начале XXI века как потенциально очень сильная.

Экономическое развитие центральноазиатских республик было поначалу довольно разным, но в итоге после всех кризисов и взлетов к 2019 году начало довольно характерно сближаться — и это, видимо, стоит считать главным доказательством реального существования постсоветской Центральной Азии как экономического и культурного явления. С одной стороны, абсолютно все страны региона на

удивление единообразно восприняли идею экономического суверенитета: как бы тесно ни ориентировалась каждая из пяти стран на кого-либо из торговых или инвестиционных партнеров (в разное время, в разной степени и для разных республик это были Россия, КНР, Турция, Иран, в финансовом секторе к этому списку стоит добавить Германию, Великобританию, США и Канаду, в вопросах технологий — Украину и Японию), идеи «сверхтесного» альянса за пределами Центральной Азии ни одну страну не увлекли, и «распада Центральной Азии», восприятия его как чисто географического понятия, в итоге никто так и не увидел. Цементирующей силой для макрорегиона с огромным разнообразием экономических укладов (что общего у крупных городов Казахстана, аграрных предгорий Куляба, промышленности Ферганской долины и хозяйства прикаспийской части Туркменистана?) была в первую очередь достаточно схожая культура, объединяемая господствующей религией и основанной на ней политической культурой, несмотря на то что все центральноазиатские республики остались светскими, а роль ислама в них нигде не напоминала не только Иран, но и Афганистан.

Но не меньшее значение, как выяснилось, сыграли и советские экономические связи. Во многом нам сейчас сложно даже предположить, как это сработало, поскольку это сработало в «слепом», «невидимом» режиме 1990-х. В СССР в принципе не отказывались воспринимать Цен-

тральную Азию как единое целое с точки зрения экономики, но специально настаивать на том, что Туркменистан, например, должен быть тесно связан с этой точки зрения вообще представлял собой несколько экономических провинций, не так тесно связанных друг с другом, как с близлежащими регионами зауральской России, Ферганской долины. Из Ашхабада довольно часто было «ближе» до Баку, чем до Ташкента. Если добавить к этому то, что достаточно крупная и амбициозная экономика Турции как раз в этот момент (на стыке тысячелетий) пережила период международной экспансии, успешно замещая там, где это было возможно, российское присутствие, а внутри самой Центральной Азии в переходный период было множество и претензий и вопросов стран друг к другу (они нередко сохраняются и сейчас), то само по себе существование макрорегиона в существующем виде отвечает на большинство вопросов. Центральная Азия экономически не стала ни «русской», ни «китайской», ни «американской»: несмотря на то что такая ориентация для конкретной страны решила бы многие вопросы (например, вопрос об электроэнергии — напомним, проблема с энергообеспечением и инфраструктурой была и остается центральной для региона, ее пока полноценно не удалось решить ни в СССР, ни позже), регион предпочел себя самого.